

П. А. Вяземский

Озеров

Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. -- М.: Худож. лит., 1982. -- Т. 2. Литературно-критические статьи. Сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982.

OCR Бычков М. Н.

Имя Озерова, как ни суди о степени драматического дарования его, которого самобытность, впрочем, никак отрицать нельзя, занимает светлое, если не единственное, место в летописях русской трагедии, по крайней мере той, которую ми привыкли называть классическою. Многие и многие годы он безраздельно господствовал на трагической сцене театра нашего. Трагедия его: "Эдип", "Фингал", "Дмитрий Донской" были любимыми представлениями публики обеих столиц. Замечательно, что наша публика, средняя и низшая (или высшая, то есть сидящая в амфитеатре и в райке), едва ли не предпочитает трагедию всем другим отраслям драматического искусства. Смеяться может она и даром: а если заплатит деньги, то хочет, чтобы ее заставляли плакать или вздрагивать от ужаса. Как бы то ни было, трагедии Озерова удовлетворяли требованиям зрителей образованных и полуобразованных. Они не только возбуждали общее сочувствие, но им обязаны были образованием актеры, воспитывавшие искусство сипе, так сказать, в школе Озерова. Достаточно назвать Семенову. Ее умная, понятливая игра, ее верное и глубокое чувство, выразительный, сладкозвучный и обработанный голос, не говоря о женской прелести, которою была она одарена, все оставило в памяти знавших ее сильное впечатление: это впечатление не было после ни ослаблено, ни заменено другими новейшими впечатлениями. С Озеровым и Семеновой как будто умерла только что родившаяся русская трагедия.

Последнее произведение Озерова, "Поликсена", не имело, как известно, успеха. В представлении видеть ее мне не случилось; но если и в самом деле она потерпела поражение от невнимательности и холодности публики, то скажем откровенно, что это поражение не приносит чести зрителям. Они не умели оценить трагедию, которая, и по содержанию и по языку, есть, без сомнения, лучшее произведение Озерова. Впрочем, если оно было и так, то окончательно и безусловно нельзя обвинять и публику нашу. Сколько и в других литературах видим драматических творений, которые не с первого шага вступили твердою ногою на сцену. Напомним, между прочим, "Федру" Расина. Публика часто, если не всегда, своенравна. Сегодняшний ее восторг не ручается за успех завтрашнего дня. С другой стороны, и гнев ее нередко обращается на милость.

"Поликсену" давали только два раза. Потом сдали ее в театральный архив, на том основании, что принесла она Дирекции только 1846 руб. 25 к. Этот рублевый и копеечный расчет, этот взгляд на выручку театральной кассы, уже чересчур несовместны со взглядом, который должно обращать на творения искусства. Разве театр одно промышленное и торговое заведение? Театр должен быть вместе с тем, и прежде всего, изящным и просвещенным развлечением публики; кроме того, по возможности нравственным и художественным училищем ее. Не одним прихотям публики должен он себя подчинять. Есть у него и другое, высшее призвание. Часто, и вопреки ей самой, обязан он очищать, облагораживать ее понятия, ее требования и наклонности. Обязан он возвышать уровень ее вкуса, воспитывать его; одним словом, так образовать публику, чтобы она с просвещенною взыскательностью вызывала и порождала великих авторов и великих актеров.

Мы вовсе не принадлежим к числу театральных законодателей и блюстителей общественного благочиния, которые исключительно смотрят на театр, как на исправительный и смирительный дом, куда нужно засаживать публику для укрощения и наказания человеческих пороков. Мы вовсе не расположены проповедовать такое строгое, одностороннее и уголовно-драматическое учение. По мнению нашему, нет никакой беды, нет никакого греха забавлять иногда публику даже и шуточными представлениями, фарсами, пародиями и т. д. Мы даже осмеливаемся думать, что иные, так называемые нравоучительные и народные драмы, где человеческая испорченная природа выставляется во всей своей сырой и *реальной* наготе, во всей своей соблазнительной истине (и то частной и случайной), гораздо вреднее и пагубнее могут действовать на публику и развращать ее чувственность и понятия, нежели все *Прекрасные Елены* и всевозможные причуды и шалости, выводимые на сцену изобретательностию и плодovitостию Оффенбаха и его школы. В этих шутках, если не всегда целомудренных, по крайней мере не оскорбляется человеческое и русское чувство безобразными и дикими картинами, списанными будто с народного быта. Во всяком случае, мало ли что есть в народном и человеческом быте? Мало ли что есть и в природе неблагоприятного и отвратительного? Искусству незачем кидаться с жадностию на эти непотребства и